

XXIV. ИТАЛІАНСКАЯ ЛЕГЕНДА.

[156]

Вотъ почему ночью летаютъ свѣтлыя мушки.

Грѣшныя души отъ земли хотѣли подняться. Хотѣли найти ворота райскія и воззвали души къ великому ключарю, апостолу:

—„Отець ключарь! Хотимъ идти къ воротамъ твоимъ! Темно намъ, пути не найти!” Отвѣтилъ сверху апостоль:

—„Вижу васъ, жалкія! Вижу васъ, темныя! Вотъ стою я. Свѣтлы ворота мои, это вы, темныя, идете во мракъ”.

Плакались души внизу:

—„Отець ключарь! Петръ апостоль! Свѣчи нѣтъ у насъ. Темны пути наши. Дай намъ свѣточи, съ ними увидимъ тебя. Пустынно въ поляхъ и холодны камни”.

—„Неразумныя! Чего къ землѣ приникаете? Оставьте пути темныя. Идите путями верхними”. Души просили:

—„Свѣта, свѣта дай намъ. Хоть одну искру дай намъ. Темно, и не знаемъ мы, гдѣ идти на верхъ”. И сказалъ послѣднее апостоль:

—„Малыя, малѣйшія, не знаете, что затемнило путь вашъ. Дамъ вамъ свѣточи; свѣтите себѣ, но нѣтъ темной дороги въ свѣтлыя страны. Просите свѣточа, но свѣточъ не есть свѣтъ”.

Такъ далъ великій ключарь свѣточи грѣшнымъ душамъ и ночью видятъ ихъ даже люди.

И летаютъ быстро, ищутъ ворота Рая грѣшныя души. И летаютъ вѣчно и есть у нихъ свѣточи.

¹ Н.К. Рерих, «Записные листки», *Золотое руно*, 1906, №7-8-9, 156-7.

XXV. ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ.

„Всякій предметъ, естественно, умираетъ. Художественное произведеніе тоже имѣетъ свою смерть—оно разрушается”. Если память не измѣняетъ, такъ гдѣ то сказано; а можетъ быть въ этой формѣ и не сказано.

Въ старину фрески и мозаики просто замазывали или покрывали новымъ—лучшимъ или часто худшимъ. Мы дѣлаемъ такъ же, но кромѣ того мы усовершенствовались и стали готовить муміи-чучела, не только изъ людей и животныхъ, но и изъ всякихъ предметовъ.

Такимъ способомъ временно „спасено” многое въ искусствѣ; придѣлано множество рукъ, ногъ, даже головъ къ чуждымъ тѣламъ; негодными красками и черными лаками „оживлено” великое число картинъ, — да еще по нѣсколько разъ иногда; при хорошемъ знаніи можно всегда избрѣсти недостающее, смутное. Кисть сохранителей прошла почти по всѣмъ фрескамъ; ихъ даже снимаютъ со стѣнъ и переводятъ на доски.

Сколько тщательно расписанныхъ мумій! Сколько мертвыхъ останковъ! По искривленнымъ, засохшимъ губамъ угадайте улыбку; въ темной безформенной массѣ—движеніе; въ сломанныхъ суставахъ—мягкость и гибкость.

И сколько возстановителей трудится; въ рвеніи выдумываютъ новыя банки консервовъ. Одинъ Вазари, холодный, сколько потрудился надъ работами предшественниковъ.

И смерть все-таки приходитъ, чтобы ввести новую жизнь. Но муміи не оживаютъ, онѣ только напоминаютъ, и безчисленные съ нихъ копіи только продолжаютъ это дѣло ошибокъ.

Всякая почва по-своему сохраняетъ предметы, такъ и время разными

путями разрушаетъ художественныя вещи. Съѣдаетъ — однѣ; туманить — другія; чернить — третьи; ломаетъ, изгибаетъ, коверкаетъ и украшаетъ. Иногда трудно отдѣлать работу людей отъ созданія времени. И всѣ такія случайности часто ложатся въ основу толкованій, и около искусства, около радости красокъ и линій накапливается многое мертвое, ненужное. Некрологи принимаются за подлинныя слова умершихъ.

Сколько фресокъ лучшихъ, самыхъ лучшихъ художниковъ, сколько картинъ и статуй, превращено въ муміи, а инвентари выдаютъ ихъ за живое. Безчисленны погибшія линіи архитектуры. Пропали формы; очерствѣли, потухли настоящія краски.

Что чувствуютъ ихъ создатели, если мысль ихъ еще близка міру?

Около сгѣнь и подъ куполами устрашающе стоятъ гильотины искусства — подмостки реставраторовъ; на колесахъ, громоздкія, закрытыя со сторонъ, — за ними погибаетъ искусство. Глубина настроенія, прелесть случая вдохновенія по-

[157]

крывается удобопопытнымъ шаблономъ, по всѣмъ правиламъ возстановителей.

Не изгонимъ ихъ; они очень почтенны и для нихъ есть большое дѣло: поддержите остатки ветхой жизни; закройте отъ свѣта слабое зрѣніе; сохраните теплоту воздуха для стараго тѣла; удалите колебанія; наконецъ снимите пыль и грязь, но бѣда коснуться духа вещи, повредить ея эпидерму.

И не раскрашивайте муміи; костяки не склеивайте, по нимъ узнаемъ только длину и ширину тѣла. Ко всему ложному въ представленіи нашемъ неужели будемъ прибавлять ложное бесконечно? Неужели музеи будутъ уже не темницами, но кладбищемъ искусства?

Была и будетъ смерть, и бороться съ нею бессильно; тѣмъ больше ея торжество.

Равенна. 3 іюля 1906.